

НАЧЕРТАНИЕ

ОПЕЧАТАННОГО АКЦЕНТОЛОГИИ.

СОЧИНЕНИЕ

РОМАНА БРАНДТА.

Roman Fedorovitch Brandt.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

(Вос. Остр., 8 дт., № 12.)

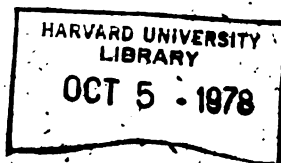
1880.

~~3281.16~~

3281.16

✓
Harvard College Library
Gift of
Archibald Cary Coolidge, Ph. D.
July 1, 1895.

Извлечено изъ V тома Извѣстій Историко-филологическаго Института
князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

Preservation f.d.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Лѣтомъ 1876 года, въ Лейпцигѣ, я случайно приобрѣлъ у антикварія Хорватскую (Сербскую) грамматику Антона Мажуранича, которой мнѣ прежде не приходилось имѣть въ рукахъ. При чтеніи ея меня поразило чрезвычайное сходство чакавско-хорватскаго акцентованія словъ съ русскимъ, и я возымѣлъ намѣреніе написать о немъ подробное изслѣдованіе. Вскорѣ я однако узналъ, что мое „открытіе“ предвосхищено другими: что на подмѣченное мною явленіе указали уже Потебня и самъ Мажураничъ. Убѣдившись такимъ образомъ, что специальное изслѣдованіе сербской акцентовки сравнительно съ русскою не можетъ имѣть большого значенія, я предпочелъ разширить свою задачу и составить сравнительную акцентологию всѣхъ славянскихъ языковъ. Этотъ разширенный планъ я впоследствии опять сузилъ, рѣшившись сосредоточиться на разборѣ именъ существительныхъ и только мимоходомъ касаться другихъ частей рѣчи.

Даже въ такомъ уменьшенномъ объемѣ изслѣдованіе мое не достигло той полноты, которую я первоначально намѣривался ему придать. Я предполагалъ собрать во-едино все, что сдѣлано моими предшественниками, предполагалъ перенять у нихъ всѣ достойныя подражанія приемы и додѣлать въ каждомъ отдѣлѣ моего труда недодѣланное ими. Но такая задача оказалась мнѣ не по силамъ: несмотря на помощь другихъ, къ которой я неоднократно обращался, мнѣ нерѣдко недоставало нужнаго матеріала. Задача дѣйствительно была нелегкая: затруднился бы ею и лучший знатокъ Славянскихъ языковъ! Однако кое-что мнѣ удалось сдѣлать, и если трудъ мой вызоветъ поправки и дополненія знатоковъ и, со включеніемъ ихъ, выйдетъ вторымъ исправленнымъ изданіемъ, то я надѣюсь, что онъ значительно приблизится къ полнотѣ и къ совершенству.

Передъ своими предшественниками я долженъ извиниться въ томъ, что можетъ быть не вездѣ, гдѣ бы слѣдовало, ссылаюсь на нихъ: первоначаль-

чально я, для упрощенія, рѣшилъ было не дѣлать никакихъ ссылокъ и замѣнить ихъ перечнемъ источниковъ и пособій; только впоследствии я постоянно сталъ дѣлать ссылки и постарался вставить ихъ и въ предшествующія части моего изслѣдованія, при чемъ однако могли произойти нѣкоторыя упущенія.

Предвижу съ иной стороны упреки за употребленіе мною цѣлаго ряда неологизмовъ: словъ введенныхъ изъ Латинскаго и Греческаго, или составленныхъ вновь. По моему крайнему разумѣнію, изслѣдователь, пишущій о мало разработанномъ предметѣ, не только имѣетъ право, но почти обязанъ установить для него по возможности точную и богатую терминологию. Надѣюсь, во всякомъ случаѣ, что термины мои не затруднятъ читателя: одни ему привычны изъ Латинской и Греческой грамматики, другіе я старался составить такъ, чтобы они были понятны сами собою. Термины мнѣ были необходимы, во избѣжаніе въ одно и то-же время и многословныхъ описаній, и неточности: я никакъ не могу рѣшиться говорить объ удареніи (или *акцентѣ*) тамъ, гдѣ дѣло идетъ о *написанномъ знакъ ударенія* (который я называю *просодіей*), или обозначать имъ *способъ произношенія и размѣщенія удареній* (*акцентовъ*), для котораго я образовалъ слово *акцентовка*.

На возраженія, прежде всего, можетъ вызвать слово *просодія*. Недостатокъ этого термина состоитъ въ томъ, что онъ собственно равносильнъ термину *акцентъ* (*accentus*, какъ извѣстно, есть переводъ греческаго *πρόσῳδος*) и что онъ уже введенъ въ Русскій языкъ въ нѣсколько иномъ видѣ и въ иномъ значеніи (*просодія* или *прозодія*); но эти причины я считаю недостаточными: отчего не допустить въ терминологию нѣкоторую условность, столь обыкновенную въ языкѣ? Дѣйствительнымъ недостаткомъ слова *просодія* я признаю, что отъ него неудобно образовать производныя, между тѣмъ какъ было бы желательно имѣть глаголъ, означающій разставлять *просодіи* и отглагольное существительное *разстановка просодій*; послѣднее я замѣняю словомъ *акцентуация*, которое я отличаю отъ словъ *акцентовка* и *акцентованіе* ¹⁾.

Также названіе, которое я придаю разрабатываемой мною наукѣ—*акцентология* ²⁾—иному покажется страннымъ, или даже уродливymъ; но, по моему, порицать это слово, и подобныя ему *соціологія*, *лингвистика*, *заимствованный*, *полулатинскій*, *полугреческій* составъ, есть ученый педантизмъ.

¹⁾ Едва ли не лучше было бы образовать существительное *просодировка* и вѣстись съ тѣмъ глаголъ *просодировать*.

²⁾ Это названіе не мною придумано, но я не въ состояніи указать, откуда оно заимствовано.

Далѣе, особой оговорки требуютъ слова *окситонный*, *окситонка*, *окситоновать*, которыя я употребляю въ болѣе широкомъ значеніи, чѣмъ они имѣютъ въ Греческомъ языкѣ: подѣ окситонками у меня разумѣются всѣ реченія ударяющія на конечный слогъ, каково бы ни было ихъ удареніе — нпр. рус. реченіе егоза, или чакавско-хорват. милобъ я называю окситонками, хотя греческіе грамматисты затруднились бы, какъ назвать первое, а второе назвали бы *периспоменкою* (*περισπομένη*). Полагаю, что названіе окситонка, въ томъ значеніи, которое оно имѣетъ въ греческой грамматикѣ, совершенно ненаучно и должно быть оставлено: разница между словами въ родѣ *λίπον* и *λίπων* — какъ мы знаемъ изъ самихъ грамматистовъ — слишкомъ велика, чтобы, увлекаясь сходствомъ написанія, приписать имъ одинакое удареніе; поэтому-то мнѣ кажется вполне позволительнымъ нѣсколько измѣнить значеніе термина, о которомъ идетъ рѣчь. То же, что къ простому слову окситонка, относится также и къ сложнымъ — *парокситонка* и *пропарокситонка*.

Возраженія иного рода могутъ вызвать слова *баритонный*, *баритонка*, *баритоновать*: уместно ли было заимствоваться терминомъ, характеризующимъ выговоръ лишь отрицательнымъ образомъ? или, давъ особую кличку словамъ, ударяющимъ не на конечный слогъ, не слѣдовало ли придумать также термины для словъ, ударяющихъ не на предконечный слогъ, не на третій съ конца, не на четвертый и т. д.? Мнѣ кажется, что, не прибѣгая къ составленію новыхъ и не особенно нужныхъ терминовъ, можно всетаки пользоваться уже существующимъ, хотя бы онъ и представлялъ нѣкоторую роскошь; а, кромѣ того, конечный слогъ дѣйствительно занимаетъ особое положеніе относительно ударенія: есть цѣлый рядъ языковъ болѣе или менѣе рѣшительно избѣгающихъ акцентуванія конечнаго слога, языковъ, какъ я позволю себѣ выражаться *баритонничающихъ* (Латинскій, Эолійское нарѣчіе Греческаго языка, Сербскій языкъ, Словенскій и восточные говоры Литовскаго; не считая тѣхъ языковъ, которые не акцентуютъ конечнаго слога потому, что отвели ударенію постоянное мѣсто на начальномъ, или на предконечномъ).

Отступленія въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ обычнаго въ славянскихъ языкахъ правописанія вызваны, разумѣется, не желаніемъ ввести въ нихъ преобразованія, а желаніемъ или избѣжать двусмысленности, или выставить важную для моего изслѣдованія звуковую особенность, или же упростить печать: первымъ соображеніемъ я руководствовался нпр. при замѣнѣ чешскихъ акутовъ обыкновенными знаками долготы (*rozvátňá mĭsta* вм. *rozvátňá mĭsta*), вторымъ — при употребленіи въ Словенскомъ языкѣ буквъ *ž*, *c* и *š* (*mžžžg*, *gkkl*, *kōza*), третьимъ — при выраженіи сербскаго „гласнаго *r*“ по-

средствомъ *zr* (бѣрдо, бѣрда, сѣрно, сѣрна ¹⁾). Обозначеніе праславянскихъ носовыхъ гласныхъ черезъ *o* и *e* также имѣетъ цѣлью упрощеніе печати: нельзя быть вполне увѣреннымъ, что гласный элементъ въ нихъ звучалъ именно какъ *o* и какъ *e*, въ виду чего было бы, можетъ быть, предпочтительно сохранить начертанія *ж* и *а*, которыя оставляютъ его неопредѣленнымъ; но тогда пришлось бы вырѣзать новыя буквы (*ж* съ двойнымъ графическимъ и т. д.).

Похвалившись стремленіемъ къ точности, я обязанъ извиниться въ допущенной сознательно — правда маловажной — невѣрности: разумно употребленіе, въ нѣкоторыхъ словахъ, приводимыхъ во Введеніи (санскр. *gājas*, нѣм. *unſāglich*, *unmöglich*), акута, ви. болѣе уместной въ нихъ отвѣсной черты, придуманной мною для обозначенія ударенія вообще, безъ ближайшаго опредѣленія его качества, или угловатаго циркумфлекса, который служить у меня знакомъ неопредѣленнаго, но протяжнаго ударенія ²⁾.

Наконецъ, считаю пріятною обязанностью выразить глубокую признательность всѣмъ, оказавшимъ мнѣ при настоящемъ трудѣ сочувствіе и поддержку; особенно же я долженъ благодарить за устные и письменныя сообщенія слѣдующія лица: профессора И. А. Водуана-де-Куртэнэ, въ Казани (за сообщенія по словенской и по польской акцентовкѣ), Д. Г. Ганчева (— по болгарской акцентовкѣ) ³⁾, профессора Г. Крека, въ Градцѣ, липецкаго бібліотекаря Ф. Левстика, въ Люблинѣ (— по словенской акцентовкѣ), профессора А. Лескина, въ Лейпцигѣ (— по серболужицкой акцентовкѣ) и кандидата бѣлградской Великой школы И. Павловича (— по сербской акцентовкѣ).

Романъ Брандтъ.

¹⁾ Буква *z* безъ того была нужна для словенскихъ и для праславянскихъ словъ. Впрочемъ, если бы я вѣрилъ въ существованіе гласнаго *r*, то не считалъ бы себя въ правѣ уклониться отъ выраженія его на письмѣ, какъ у Сербовъ, такъ и у Словенцевъ и Болгаръ.

²⁾ Угловатаго циркумфлекса я не употребилъ въ этихъ словахъ потому, что онъ во Введеніи, на латинскихъ словахъ, — по общепринятой акцентуаціи — означаетъ удареніе, съ понижающимся движеніемъ голоса.

³⁾ Г. Ганчевъ въ то время (два года тому назадъ) былъ студентомъ Духовной Академіи въ Кіевѣ.

Введеніе.

Всякій, кто хоть сколько-нибудь знакомъ со Славяновѣдѣніемъ, согласится, что Славяне нѣкогда составляли одинъ народъ и говорили однимъ языкомъ, который, конечно, уже рано развилъ изъ себя мѣстные говоры и нарѣчія, а потомъ и особые языки.

Признавая, такимъ образомъ, первоначальное единство Славянскихъ языковъ, нельзя не признавать и возможность, на основаніи тщательнаго сличенія ихъ формъ, возстановлять древнія общеславянскія, или, какъ я ихъ буду называть, праславянскія формы. И дѣйствительно, благодаря преимущественно Староцерковному языку, мы подобное построеніе праславянскихъ словъ можемъ производить съ значительною достовѣрностью и точностью. Слова эти, по большей части, совпадаютъ со староцерковными. Изъ сравненія словъ, рус. сонъ, сна, серб. сан, сна, болг. сын, чеш. и поль. sen, spi, со ст. ц. сынъ, сына ясно, что основная славянская форма этого реченія была сынъ, сына, съ глухимъ гласнымъ въ коренномъ слогѣ. Точно такъ же, сопоставленіе русскаго слова рука съ серб. рука, слов. гока, болг. ръка, чеш. гука, поль. гека, ст. ц. рѣка прямо указываетъ на первоначальный выговоръ рѣка, съ носовымъ гласнымъ. Конечно, нѣкоторые вопросы останутся неразрѣшенными: такъ, въ приведенныхъ примѣрахъ, мы не знаемъ, какъ собственно звучалъ, какой гласный элементъ входилъ въ составъ общеславянскаго ж....

Въ Праславянскомъ языкѣ, безъ сомнѣнія, была и своя система удареній, изъ которой развились всѣ позднѣйшія у Славянъ, и которая, путемъ сравнительнаго ихъ изслѣдованія, могла бы быть возстановлена. Но, повидимому, противъ этой прекрасной теоріи говорятъ дѣйствительные факты языка: развѣ есть сходство между акцентовками русскою, сербскою, польскою и т. д.? На первый взглядъ, нѣтъ никакого сходства, а бросаются въ глаза самыя вопіющія противорѣчія, не только въ подробностяхъ, но и въ

общихъ положеніяхъ, такъ что сходная акцентока нѣко-
жется совершенно случайною. Однако, присмотрѣвшись
мы убѣдимся, что черезъ это разногласіе и пестроту сквози-
ное согласіе и единство.

Но, прежде чѣмъ обращаться къ пересмотру различныхъ осо-
ударенія у Славянъ, необходимо сказать два—три слова объ удареніи.

Удареніе *по природѣ* различаютъ двоякое: 1) удареніе, состоя-
повышеніи голоса и 2) удареніе, состоящее въ усиленіи голоса, ко-
впрочемъ неизбѣжно соединено съ нѣкоторымъ повышеніемъ его. Эти
рода ударенія называютъ мелодическимъ и ритмическимъ, или хромати-
скимъ и экспираторнымъ. Хроматическое удареніе приписываютъ нѣко-
рымъ восточнымъ языкамъ и, не безъ основанія, предполагаютъ для язы-
ковъ классическихъ и для Санскритскаго; экспираторное же удареніе есть
обыкновенное удареніе, въ европейскихъ языкахъ. Между этими двумя ти-
пами приходится принимать еще переходныя ступени: удареніе существенно-
хроматическое и существенно-экспираторное¹⁾. Эти различія могли бы лечъ
въ основаніе при классификаціи системъ ударенія, или, какъ я буду ихъ
называть, *акцентовокъ*, но я, въ предлагаемомъ здѣсь изслѣдованіи, обра-
щаю вниманіе не столько на фізіологическій характеръ ударенія, сколько
на отводимое ему мѣсто, и потому предпочитаю основать свою классифика-
цію акцентовокъ на размѣщеніи удареній. Это та же точка зрѣнія, съ кото-
рой взглянулъ на нихъ Боппъ.

Боппъ въ своей Акцентологіи²⁾ различаетъ три акцентовочныя прин-
ципа: логическій, ритмическій и грамматическій. Логическою акцентовкою
онъ называетъ такую, при которой удареніе приходится на самую важную
часть слова: на корень, или на смыслонзмѣняющій аффиксъ. Таковъ прин-
ципъ германскаго акцентованія. При ритмической акцентовкѣ, удареніе по-
лагаютъ всегда на одинъ извѣстный слогъ, напр. на начальный, или на ко-
нечный, не обращая никакого вниманія на его грамматическое значеніе.
Такова акцентовка Латышей, которые напираютъ всегда на начальный
слогъ. Третій родъ акцентовки — вольная или грамматическая, которая свой-
ствена напр. Санскритскому языку: при ней удареніе не тяготеетъ ни къ
особенно знаменательнымъ слогамъ, ни къ опредѣленному мѣсту. — Прямо

¹⁾ С. Ждановъ. Къ ученію о греческомъ удареніи. Спб. 1878, стр. 1. E. Sievers. Grundzüge der Lautphysiologie. Lpz. 1878, S. 114. K. Verner. Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, Band XXIII, S. 133 (Zur Ablautsfrage).

²⁾ Bopp, Franz. Vergleichendes Accentuationssystem nebst einer gedrängten Darstellung der grammatischen Uebereinstimmungen des Sanskrit und Griechischen. Berl. 1854, S. V.

му — мелпво дѣленіе мнѣ кажется не совсѣмъ удобнымъ; такъ что я къ ногамъ? нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ. Во первыхъ, я рѣшительно вѣрю снать логическаго характера германской акцентовки: почему азмъ ять акцентованія корня, и почему логично отмѣчать префиксы номъсвязакъ отмѣчая имъ суффиксовъ? Въ словѣ Liebe удареніе папросто каковъ и это съ одной стороны логично, т. к. по корню оно отособенночой заWaage, Bitte и т. д.; но, съ другой стороны, окончаніемъ постоянно то удъ глагольныхъ и прилагательныхъ формъ lieben, lieblich, и нѣко-р. ашъ такъ что выговоръ Liebé былъ бы не менѣе логиченъ, (омт.); двисли въ словѣ Vorsicht аффиксъ, какъ ближайшее опредѣленіе да, первъавляется посредствомъ ударенія, то слѣдовало бы выставить етъ въ образомъ и аффиксъ прилагательнаго sichtbar и произносить не етъ аг, какъ произносятъ въ дѣйствительности, а sichtbar. Логическою, а къ кому мнѣнію, можно бы назвать лишь такую акцентовку, при которой ами. ченіе, взятое само по себѣ, допускало бы удареніе на любомъ слогѣ¹⁾, фог такъ, чтобы выговоръ постоянно мѣнялся, смотря по окружающимъ словамъ: чтобы рядомъ стоящія слова, при одинаковомъ аффиксѣ, ставили удареніе на корень, нпр. Liebe und Treue, geliebt und gelebt; при одинаковомъ корнѣ — на аффиксъ: ich liebe meinen Liebsten, er hat lange gelebt und viel erlebt. Само собой ясно, что послѣдовательно провести такой способъ произношенія можно бы было только въ спаячномъ языкѣ, а не во флексивномъ. На дѣлѣ его, насколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не существуетъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ риторическій приѣмъ, логическое удареніе допускается едвали ни во всѣхъ языкахъ: если кому, вмѣсто «онъ уже ушелъ», послышится «онъ уже пришелъ», то мы можемъ сказать «онъ, не ушелъ, а пришелъ», при чемъ собственно оба слога произносятся съ Удареніемъ, но на первомъ удареніе сильнѣе; подобнымъ же образомъ, отъ нѣмца можно услышать фразу «es war nicht der Hausmeister (дворникъ), sondern der Haushund», хотя обыкновенно произносятъ Hausmeister и Haushund. Итакъ, называть германскую акцентовку логическою, не вижу никакого основанія, развѣ, если подъ логичностью понимать стройность, систематичность, которую она дѣйствительно отличается²⁾.

¹⁾ Въ дѣлѣ всѣ слоги одинаково важны и необходимы въ словѣ.

²⁾ Эта систематичность чрезвычайно нравилась протоіерею Павскому — отнѣтивъ особенность нѣмецкаго выговора, по коей удареніе при всѣхъ грамматическихъ измѣненіяхъ слога остается на корнѣ, онъ прибавляетъ: «никто не станетъ спорить, что это умно и дѣльно, потому что коренной слогъ каждаго слова стоитъ того, что его гласной дать тонъ повыше и сдѣлать его замѣтнѣе между прочими слогами того же слова» (Филол. наблуд. Изд. 2. Спб. 1850, разс. 3, гл. 8, стр. 228).

4
Что касается ритмической акцентовки, то противъ видѣ особую группу спорить нельзя, но названіе выбрано не со т. к. «ритмическая» акцентовка вовсе не придаетъ рѣчи ритмическое: удареніе, будучи прикрѣплено къ началу слова, зато можетъ на сколько угодно слоговъ отъ конца, а, при удареніи на концѣ, определено число предшествующихъ слоговъ. Поэтому я оишна «ритмическая» акцентовка и систему ударенія не жать буду называть *одноименною*.

На счетъ третьей акцентовки — *грамматической* или замѣтить, что названіе ея грамматическою основано лишь на языкахъ этой системы удареніе иногда измѣняется вмѣстѣ съ словомъ, или служитъ для различенія совершенно сходныхъ по звукамъ, напр. санскр. śakṇomī могу и śakṇimāś можемъ, gājas вещи им. gājas вещи вин. Но, т. к. подобный переходъ ударенія и различеніе опытныхъ формъ вовсе не проведены послѣдовательно и представляютъ скорѣе случайную функцію акцента, то, кажется, нѣтъ основанія говорить о «грамматической» акцентовкѣ. Вѣрнѣе характеризуетъ эту акцентовку названіе вольной, но, въ противоположность *одноименной*, я лучше буду называть ее *разноименною*; терминъ же «вольная» пригодится мнѣ при подраздѣленіи ея.

По такимъ соображеніямъ я, вмѣсто Бопповскаго дѣленія, предлагаю различить прежде всего двѣ акцентовки: 1) *одноименную* и 2) *разноименную*. Одноименная акцентовка бываетъ: а) *начальная* — самая распространенная, господствующая въ чудскихъ языкахъ (въ Финскомъ, Эстонскомъ и т. д.), а также въ Латышскомъ, въ Чешскомъ; б) *наконечная* — *акцентовка* — французская, турецкая, и в) *напредконечная* — польская. И такъ, одноименное удареніе держится или перваго слога, или послѣдняго (или предпослѣдняго)¹⁾. Разноименныя акцентовки можно подраздѣлить на а) *связанныя* и б) *вольныя*. Связанныя акцентовки это — греческая, латинская, германская. Эти акцентовки, по видимому, пользуются относительно свободою: латинскому ударенію предоставленъ выборъ между предконечнымъ и допредконечнымъ слогами, греческому — между тремя послѣдними²⁾, а

¹⁾ Говоря объ *одноименныхъ* акцентовкахъ слѣдуетъ помнить пословицы: faciunt idem, non est idem: акцентовки чешская и финская, французская и польская сходны по формѣ, но не сходны по духу. Срв. гл. VII (Чешская акцентовка и турецкая).

²⁾ Предполагаютъ, что первоначально греческое и латинское удареніе такъ стѣснено и могло падать нпр. на четвертый слогъ съ конца, въ дѣле не было того ссылаются на формы ἰγνοῦμαι, βιβλῆμαι, κίχλημαι, débeo, bálneи указательство бхите и т. д., которые указываютъ на первоначальный выговоръ ἰγῆμαι, πῆλεμα, κῆνομαι, βῆβη-

у—между всѣми; но, на дѣлѣ, Римляне и Германцы связаны по мѣстн. п. на ногамъ, да и у Грековъ свобода довольно ограниченная. Стѣс-
каль, гурдннныя системы или метрическими соображеніями, или грамматиче-
верчу, сѹка¹ ему я и буду различать два рода связанныхъ акцентовокъ
аззакъ рыба² связанныхъ, каковы латинская и греческая и β) граммати-
номѣстной акце³ каковы германскія. Латинское удареніе, какъ извѣстно,
просто вольною), ой зависимости отъ количества предконечнаго слога:
особенно замѣчает⁴ то удареніе падаетъ на него, если краткій, то — на тре-
достоянно носит⁵ р. āpātōr, auditūs, lēōnēs, indigēstūs; nōmīnā, ādjūvāt, mā-
и нѣкоторые.); двусложныя слова всегда акцентуютъ предконечный слогъ
цомъ и т. первый): Rōmā, mātērēs, cāntūs, dēūs, pātērēs. Греческій языкъ
далаки (сетъ во вниманіе количество конечнаго слога: долгота этого слога на
8 слогъ ударенія на допредконечный слогъ, такъ что у реченій, кончаю-
хся краткимъ слогомъ, языкъ можетъ выбирать между тремя акценто-
ями, а при долгомъ слогѣ—между двумя, нпр. ἀνθρωπος, ἐκείνος (λογόγρα-
φος), κεραυνός; στέλενη, ἀρετή. Извѣстно впрочемъ, что иногда и при долгомъ
окончаніи акцентуется допредконечный слогъ: таковы именныя формы
ἀνώγεωυ, πόλεως, именительные множественнаго на αι, οι, какъ τράπεζαι,
ἄνθρωποι и нѣкоторыя глагольныя формы на αι, нпр. γέυσομαι, γέυσετα;
тотъ же звуковой эффектъ производить акцентныя единицы, въ родѣ δότι
τω, λέγε μοι, ἄλλου του. Однако жъ и въ этихъ случаяхъ удареніе все-таки
не выходитъ за предѣлы трехъ послѣднихъ слоговъ⁶). — Германскіе языки

λημαι, χέχαλμαι, déhibeo, bálineum, núcleus, ócissume. Впрочемъ, формы
βέβλημαι, χέχλημαι обыкновенно объясняютъ перестановкою. Weil et Benloew,
p. 127. Siegismund. De metathesi graeca. Curtius. Studien V. S. 204.

¹) Хотя бы только по положенію гласнаго своего.

²) Въ древнѣйшей латыни такого закона еще не существовало: въ выговорѣ словъ
déjero, cónignitus, nósti, amārunт и т. п. вполне основательно видятъ доказательство,
что когда-то произносили déjūrō, cónignōtus, nōvisti, amāvērunt. Въ классической
латыни, если вѣрять преданію, не подчинялись общему закону слова съ удареніемъ
на допредконечномъ и краткимъ конечнымъ слогомъ, когда къ нимъ приняла
энклитика, нпр. terra magiāque, какъ мы произносимъ и нынѣ. По не всегда досто-
вѣрнымъ показаніямъ грамматиковъ, дѣлали еще и другія исключенія, нпр. calefācit,
venumdēdi, tugūri у т. д. Есть извѣстія, будто удареніе приходилось иногда и на
конечный слогъ: calefit, produc, madefāc, fumāt, (= fumavit), nostrās, opti-
mās и т. п. Weil et Benloew, pag. 46—47, 57, 61—62, 124—125.

³) Если смотрѣть не только на мѣсто, но и на качество ударенія, то въ Гречес-
комъ языкѣ окажется 8 родовъ акцентованія: 1) акутъ на краткомъ допредконеч-
номъ слогѣ, нпр. ἔχομαι 2) акутъ на долгомъ допредконечномъ, βούλομαι 3) акутъ
на краткомъ предконечномъ, Ἀντιγόνη 4) акутъ на долгомъ предконечномъ, στρα-

связаны своимъ грамматическимъ закономъ, по коему удареніе въ словѣ приходится на корень, въ сложномъ — на опредѣлительную или на имя, играющее роль такой приставки, напр. *geben, Mütter, Grössmutter*¹⁾. Исключеній почти что нѣтъ: у Нѣмцевъ исключаютъ сложные съ неотдѣлимыми предлогами *be, ge, ent, er, ver, gen, Gesang, Entlassung, erbitten, vermüthen; zerbrechen* три прилагательныхъ съ отрицаніемъ *un—undenkbar, unmöglich*, (однако, *unnütz, unbewusst* и т. д.) да еще нѣк-рыхъ словъ: *Jahrhundert, Jahrzehnt, allmächtig, lebendig; ближить, übersetzen* перевести, переложить, *übergēhen* опустить, рядомъ съ подходящими подъ общее правило *überführen* (куда-нибудь), *übersetzen* переправить, переправиться, *überge- reiten* и т. п.²⁾.

При вольной акцентовкѣ³⁾ всѣ слоги считаются равноправными, и долгота ихъ, ни грамматическое значеніе не оказываетъ никакого вліянія на удареніе; вообще, можно подмѣтить лишь нѣкоторые частные законы ударенія, но общаго закона не видно. Таковы акцентовки языковъ Санскритскаго, Литовскаго и др., таковы и романскія акцентовки, за исключеніемъ французской. Приведу хоть слѣдующіе примѣры: скр. *pāvas* корабль,

πῶτης 5) циркумфлексъ на предконечномъ, *ἴταρος* 6) акутъ на краткомъ конечномъ, *ποταμός* 7) акутъ на долгомъ конечномъ, *σχιά* 8) циркумфлексъ на конечномъ *Σοφοκλῆς*. Подъ послѣднія три группы можно подвести также односложныя реченія, какъ *χθές, μῦν, νοῦς*. Но латини всего 6 типовъ акцентованія, представителями которыхъ могутъ служить слова *ānimus, dīcere, amōres, natūra, vir, sōl*. Самое удареніе у Грековъ и Римлянъ, не считая загадочнаго грависа, оказывается тройкое: настоящій акутъ (акутъ на краткихъ), циркумфлексъ и антициркумфлексъ (акутъ на долгихъ), изъ коихъ первый можетъ быть названъ рѣзкимъ удареніемъ, второй — нисходящимъ, а третій — восходящимъ. См. ниже, гл. II (Сербская акцентовка).

¹⁾ Не знаю, въ какой мѣрѣ этотъ законъ, несомнѣнно вѣрный для Нѣмецкаго языка, относится къ остальнымъ германскимъ языкамъ, напр. къ Голландскому.

²⁾ Всѣ эти слова я считаю положительными отступленіями отъ общихъ законовъ германской акцентовки (можетъ быть онѣ суть остатки иной, болѣе древней системы?): то, что въ оправданіе ихъ говорить Боппъ — *Vergl. Accent., S. 59—60*, — меня нисколько не удовлетворяетъ.

³⁾ Въ употребленіи терминовъ «вольная» и «связанная» акцентовка (*freier und gebundener Accent*) я случайно сошелся съ Шереромъ, который однако употребляетъ ихъ нѣсколько въ иномъ значеніи: онъ различаетъ, прежде всего, акцентовки вольную и связанную, изъ коихъ вторая можетъ быть относительно-свободною (имѣть *beschränkte Freiheit*), или — совершенно закрѣпленною (*ganz unfrei*). W. Scherer. *Zur Geschichte der deutschen Sprache, S. 149*.

мѣстн. п. *paušū, dvėšmī* и т. д. *taŋaūju* служу, *taŋavaū* я служилъ, *sukū* верчу, *sūka* вертеть, *gaidzīo* (лат. *gaidzīo*, вип. *ászaka*¹⁾). Въ языкахъ вольно-раз-
номѣстной акцентовки (которую я, для сокращенія, обыкновенно называю просто вольною), удареніе иногда далеко отстоитъ отъ конца слова, что особенно замѣчается въ я-
зыкѣ Санскритскомъ, въ коемъ нпр. приращеніе постоянно носитъ на себѣ удареніе, несмотря на число слѣдующихъ за нимъ слоговъ, *avośamañi* мы говорили, и т. д. Таковы и нѣкоторые другіе слова: *pātrebāhula* блюдолизъ, *gīōtiranika* сияющій лицомъ и т. п. Въ словѣ *uddalākarpūṣrabhañgikā* игра «срываніе цвѣтовъ удалаки (*cordia myxa seu latifolia*)» удареніе отстоитъ отъ конца на цѣлыхъ 8 слоговъ!

Къ языкамъ вольной акцентовки я отношу также языки Итальянскій, Испанскій, Португальскій и Румынскій: хотя эти языки почти всегда полагаютъ удареніе на тотъ же слогъ, какъ и Латинскій²⁾, они все-таки не могутъ считаться языками связанной акцентовки, потому, что 1) вмѣстѣ съ количествомъ гласныхъ, вышедъ изъ народнаго сознанія и метрической принципъ латинскаго акцентовація и 2) потому, что иногда, вслѣдствіе отпаденія и выпаденія гласныхъ и цѣлыхъ слоговъ, а иной разъ и черезъ прибавленіе ихъ, предконечные и допредконечные слоги Латинскаго языка оказались конечными, или же четвертыми съ конца: по-итальянски нпр. произносятъ *cittā* (*civita-tem*), *virtū* (*virtu-tem*), *amō* (*amāv-it*), *mēritano* (*meritānt*), *giūdicano* (*judicant*), *significano* (*significant*), *recitano* (*recitānt*), по испански говорятъ *amār* (*amār-e*), *relōj* (*horológium*), *e-stā* (*sta-t*) и т. д. Когда къ слову примыкають частицы, то удареніе отъ конца акцентной единицы можетъ отстоять не только на три слога, но и на четыре, иногда на пять, и даже на шесть: ит. *eccotelo* = серб. ево ти га, *cōltivali* воздѣлывай ихъ, *promèttervelo* обѣщать вамъ это, *dātecevene* дайте намъ ихъ оттуда, *pōrtāndomivelo* принося мнѣ оттуда его, *pōrgamivisene* пусть подадутъ мнѣ оттуда ихъ, *abbēverinosene* пускай напиваются его, *communichimivisene* пускай сообщаетъ мнѣ оттуда объ этомъ³⁾; исп. *būscamelo* ищи мнѣ его, *cōrti-*

¹⁾ Литовское удареніе я отмѣчаю не по способу Курмата, а по сербскому способу Караджича, срв. гл. II (Сербская акцентовка) и гл. XIII (Литовская акцентовка).

²⁾ То-же самое замѣчается даже во Французскомъ языкѣ, несмотря на однородность его акцентовки. Отношенія французской акцентовки къ латинской я коснусь еще впоследствии, говоря о Чешскомъ языкѣ (гл. VII, стр. 157).

³⁾ Надо замѣтить, что подобное доведенное до крайности накопленіе частицъ существуетъ почти только въ возможности, а въ дѣйствительности встрѣчается

janoslos пусть они поправят намъ ихъ, habien-
же акцентовку приписываютъ испанскимъ нар-
mente, estúpida-mente, intrépida-mente, pacifica-
mente, suavísima-mente¹⁾.

Вотъ и всѣ общія замѣчанія, которыя мнѣ казались необходимыми
предпослать настоящему изслѣдованію. Излага-
Бенфея, Эвальда, Бенлѣва и Вейля о первона-
центовкѣ, считаю совершенно излишнимъ, т. е. альной индоевропейской ак-
богѣе—менѣе остроумныя догадки и предполо-
ніи подтвердить ихъ фактами: ни въ одномъ изъ болѣе древнихъ языковъ
(да и вообще ни въ одномъ индоевропейскомъ языкѣ) не проведено послѣ-
довательно ни принципа усиленія (?) словъ посредствомъ начальной акцен-
товки и ослабленія (?) ихъ посредствомъ конечной, ни—акцентовки нако-
ренной или нааффрикской²⁾. Напротивъ того, если, на основаніи языковъ
Санскритскаго, Греческаго, Литовскаго, позволительно дѣлать какую-ни-
будь догадку объ акцентовкѣ праязыка, то, конечно, такую, что эта акцен-
товка не знала никакого общаго принципа, а была вольно-разномѣстная.
Но, вообще, рано разсуждать о праязычной акцентовкѣ, когда такъ мало
еще изслѣдованы акцентовки отдѣльныхъ языковъ. Впрочемъ, въ прила-
гаемыя къ моей работѣ акцентовочныя таблицы вошло два—три праязыч-
ныхъ слова, выговоръ которыхъ можетъ быть опредѣленъ съ значительною
достоверностью³⁾.

весьма рѣдко. См. Blanc, Dr. L. G. Grammatik der Italiänischen Sprache. Halle 1844.
S. 91.

¹⁾ Keil. Spanische Sprachlehre. Gotha 1817. S. 11; Gildo, Domingo. Grammaire
théorique et pratique de la langue espagnole. Paris 1861. p. 49.

²⁾ Becker, Karl Ferd. Organism der Sprache. Frankf. a. M. 1841. § 121. S. 583.
— Bopp, Franz. Vergleichendes Accentuationssystem. S. 16—17. — Benfey, Theod.
Anzeige: Ueber den Ablaut von Adolf Holzmänn. Göttingische gelehrte Anzeigen. 1846.
B. II. S. 842. — Ewald ib. 1855, S. 119. — Benloew, Louis. De l'accentuation dans
les langues indo-européennes, p. 45. — Weil et Benloew. Théorie générale de l'ac-
centuation latine, p. 349.

³⁾ Чтобы покончить съ общою частью этого введенія, я долженъ еще указать на
разсужденіе о томъ же предметѣ Іос. Труглара (Truhlář), которое навело меня на
изложенныя здѣсь соображенія и на предлагаемое мною дѣленіе акцентовокъ. Труг-
ларь (O přízvuku vůbec, zvlášť o českém. Č. Č. M. 1872. str. 410) считаетъ Бои-
пову терминологию неудачною: если называть нѣмецкую акцентовку логическою, то
прочія окажутся нелогическими, что едва-ли справедливо; терминъ ритмическая ак-
центовка также не годится, т. к. всякая акцентовка придаетъ слову нѣкоторый ритмъ.
Самъ Тругларь различаетъ слѣдующіе роды ударенія: I. Вольное или неуставлен-
ное (volný = neustálený přízvuk)—санскритское. II. Установленное уд. (ustálený

Послѣ этихъ замѣчаній, перехожу къ разсмотрѣнію славянскихъ акцентовокъ.

Славянскіе языки, по характеру акцентованія, распадаются на тѣ же двѣ группы, на которыя, по другимъ причинамъ, дѣлитъ ихъ Добровскій: на сѣверозападную и юговосточную. Сѣверозападные славяне — Чехи, Лужичане и Поляки — держатся одномѣстной системы ударенія, Юговосточные — Русскіе, Болгары, Сербы и Словенцы, — вольной. Если, однако, принять во вниманіе Кашубское нарѣчіе и вымершій Полабскій языкъ, то окажется, что не все Ляшское племя, и не всѣ, значитъ, Сѣверозападные славяне чуждаются вольнаго ударенія. Впрочемъ, и безъ того ясно, что одномѣстная акцентовка у этихъ народовъ явилась въ относительно позднее время. Ясно это изъ слѣдующихъ соображеній: 1) трудно себѣ представить, чтобы стройная одномѣстная система, если бъ она издавна существовала у Славянъ, могла въ нѣкоторыхъ языкахъ разстроиться и смѣниться вольнымъ акцентованіемъ, между тѣмъ какъ обратное явленіе легко можно допустить. 2) Рѣшительно невозможно понять, какъ одна одномѣстная система могла перейти въ другую, одномѣстную же — если основная акцентовка Славянъ была чешско-лужицкая, начальная, то какъ она могла превратиться у Поляковъ въ напредконечную? или, наоборотъ, какъ изъ польской системы могла развиться чешско-лужицкая? Последнее соображеніе имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что языки Чеховъ, Лужичанъ и Поляковъ особенно близки между собою и, очевидно, еще послѣ отдѣленія Русскаго, Болгарскаго, Сербскаго и Словенскаго, составляли одно цѣлое и, какъ единый языкъ, должны были имѣть и единую систему удареній, выработавшуюся изъ древней общеславянской и довольно еще сходную съ нею.

Въ настоящемъ изслѣдованіи, по самому существу дѣла, буду останавливаться преимущественно на акцентовкахъ разномѣстныхъ: русской, сербской, словенской и болгарской (коснусь также кашубской и полабской) и попытаюсь, посредствомъ сравненія ихъ, возстановить акцентовку, нѣкогда общую всѣмъ Юговосточнымъ славянамъ, которая имѣетъ нѣкоторое право

рѣ.): 1) подвижное (pohyblivý rě.): а) неограниченное количество (neobmezený časoměroci) — русское, литовское, эвасское (?) и б) ограниченное — греческое, латинское. 2) неподвижное: а) прикрѣпленное къ коренному слогу, свойственное болшей части германскихъ языковъ и б) прикрѣпленное къ опредѣленному мѣсту въ словѣ — чешское, польское. — Выдѣленіе Санскрита въ особую группу, противоположащую всѣмъ остальнымъ, основано на ошибкѣ: санскритская акцентовка вовсе не есть, по моему терминологіи, логическая, какъ думаетъ Тругларъ, — она вольно-разномѣстная (удареніе санскритское — неограниченно-подвижное), но все-таки постоянная, или установленная.